

© 2021

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
(Москва)
(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с формированием и развитием в нашей стране государственного капитализма в его разнообразных формах. Исследуются возможности современной трансформации госкапитализма в направлении решения инвестиционных проблем и повышения эффективности институтов управления экономическими активами государства.

Ключевые слова: государственный капитализм, этатизм, государственно-монополистический капитализм, переходный период, олигархия, государственные корпорации, инвестиции, организации с публичным участием.

DOI: 10.31857/S020736760013633-5

В последнее десятилетие все более очевидным фактом становится увеличение масштабов экономической деятельности государства. Это увеличение в российских реалиях происходит при политическом перевесе президентской власти над остальными элементами государственности в сочетании с централизацией финансовых потоков и пока еще консервативным либерализмом в экономической политике.

«После того, как государство глубоко погрузилось в экономику, — замечает М. Воейков, — с политэкономической точки зрения его следовало бы определять не только как политическую форму самореализации общества, но и как экономический механизм этой самореализации» [1. С. 37]. Указанный экономический механизм как нельзя более органично находит свое выражение в модели государственного капитализма, предполагающей в первую очередь примат государственного бизнеса над частным, (при этом инвестиции госкомпаний рассматриваются как один из основных источников роста экономики), конкуренцию за предлагаемые государством контракты и получение максимальной эффективности и общественной пользы от их реализации, использование широкого набора инструментов и механизмов государственно-частного партнерства при реализации крупных инфраструктурных проектов.

По определению академика В. Мартынова, суть государственного капитализма «сводится к ограничению частного капитализма государством и фактически его контролю над ним, подчинению целям государства (политической власти).

Этот характер отношений государства и частного бизнеса является основным критерием определения государственного капитализма» [2. С. 12].

Поскольку уже очевидно, что руководство нашей страны в своей экономической политике продолжает идти по пути развития и упрочения именно государственного капитализма, постольку анализ связанных с ним теории, практики и современных тенденций продолжает оставаться актуальным.

Некоторые политэкономические аспекты. *Государственный капитализм* — очень интересная в политэкономическом смысле категория со своей неординарной спецификой. Так, в классическом советском учебнике «Курс политической экономии» под редакцией Н. Цаголова о государственном капитализме речь идет не в первом томе «Досоциалистические способы производства» (где и рассматривается собственно капитализм), а во втором под названием «Социализм» [3]. В свою очередь, современная «Википедия» трактует госкапитализм, во-первых, как общественный строй, в котором государственный аппарат управления страной играет роль капиталистов, во-вторых, как модель капитализма, при котором происходит сращивание государства и капитала, проявляется стремление власти взять под контроль крупный частный бизнес (такое понимание связывается с понятием этатизм) [4].

Как известно, с позиций либерализма, чем меньше вмешательство государства в экономику, тем лучше для экономики и ее субъектов. Этатизм занимает противоположную позицию — чем больше государственное вмешательство, тем лучше для экономики. Здесь есть два варианта: **авторитарный или демократический этатизм**. Первый базируется на властном воздействии, при котором блокируется или разрывается обратная связь между управляющей и управляемой системами, при втором параметры и пределы государственного вмешательства в экономику определяются объективными потребностями гражданского общества. И еще один немаловажный момент для понимания экономической сущности государственного капитализма: «государство всегда, в любое время и в любом месте поддерживало, поощряло наиболее близкую ему форму собственности и хозяйства» [5. С. 118].

Согласно марксистским трактовкам, именно государственный капитализм имел в виду Ф. Энгельс, когда писал о доведении до крайности противоречий капитализма в условиях, когда государство от имени общества берет под свой контроль средства производства. При этом он выступал против трактовки госкапитализма как социализма: «...ни переход в руки акционерных обществ, ни превращения в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил» [6. С. 289–290]. Государственная собственность при капитализме не разрешает конфликта между производительными силами и производственными отношениями, но «...она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» [7. С. 223], то есть передача производственных и коммерческих функций государству может при определенных

обстоятельствах иметь прогрессивный характер, означая движение к новому общественному строю.

Государственный капитализм в марксистской политэкономии связывается с неким переходным периодом от капитализма к социализму. «Курс политической экономии» все особенности госкапитализма в современном понимании (государственное предпринимательство, индикативное планирование, государственные закупки товаров и услуг, налоговые и кредитные формы регулирования масштабов и структуры частных капиталовложений, государственное регулирование потребительского спроса и др.) относил к **государственно-монополистическому капитализму**, который «соединяет силу монополий с силой государства» в целях преодоления новых социально-экономических проблем, нерешаемых на принципах свободного предпринимательства. Среди таких проблем – растущая дифференциация общественного производства, появление множества новых производств, усложнение механизма общественных связей. При этом «не государство диктует свою волю монополистическому капиталу, а наоборот, монополии подчиняют экономическую и политическую мощь государства своим интересам» [3. Т. I. С. 673, 683]. При государственном капитализме (без приставки «монополистический») свою волю диктует уже государство, причем в случае с Россией принципиально новое.

Формы госкапитализма в советский период. Проверка марксистской теории на практике началась в 1917 г. Сразу после Октябрьской революции В.И. Ленин писал: «...государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел» [8. С. 295]. На заре Советской власти госкапитализм трактовался как особая форма социалистического обобществления производства, призванная победить вековую многоукладность российской экономики. В начале XX века в стране существовали следующие экономические уклады: натурально-патриархальный, полукрепостнический, мелкотоварный частно-капиталистический, монополистический, государственно-монополистический. Ставка была сделана на частно-капиталистический уклад: «госкапитализм в переходный период — это регулируемый социалистическим государством капитализм» [3. Т. II. С. 37].

Считалось, что наиболее приемлемой формой государственного капитализма являются смешанные государственно-частные предприятия, основанные на совместной собственности частных предпринимателей и государства. Участие в смешанном предприятии давало государству возможность прямо и непосредственно вмешиваться в его производственную деятельность, подчинять своему контролю, а затем полностью национализировать. Еще одна форма государственного капитализма – концессии. Однако в Советском Союзе концессии, с участием преимущественно иностранного капитала,

развивались слабо, поскольку условия, предлагаемые зарубежными «капиталистами», казались советскому руководству неприемлемыми.

Нашла развитие и еще одна форма госкапитализма – создание крупных трестов, объединяющих несколько (иногда более десятка) предприятий и работающих на принципах хозяйственного расчета. Тресты, естественно под контролем государства, обладали определённой степенью экономической свободы в части принятия решений о том, что производить, где и кому реализовывать свою продукцию. В правление трестов нередко входили бывшие хозяева и специалисты, что требовалось не только для того, чтобы следить за производственными технологиями, но и для того, чтобы сохранить старые рыночные связи и наладить новые в среде «нэпманов».

Именно новая экономическая политика стала институциональной оболочкой советского госкапитализма в 1920-х годах, а базой для него являлись «неизжитые традиции “азиатского способа производства”, в русло которых вполне укладывался социализм с естественной в условиях огосударствления экономики монополизацией власти в руках номенклатуры с пожизненным лидером» [9. С. 116].

В целом государственный капитализм в его марксистском «переходном» понимании в Советском Союзе не получил долговременного развития из-за достаточно быстрого отказа от постулатов новой экономической политики и перехода к проведению ускоренными темпами коллективизации и индустриализации, сопровождавшихся политическими репрессиями, так называемыми «перегибами на местах» и гигантоманией, присущей больше государственно-монополистическому укладу.

Как средство преобразования буржуазной собственности в социалистическую государственный капитализм в переходный период использовался в некоторых соцстранах (ГДР, Китай, Корея, Вьетнам). В качестве иностранного капитала при этом выступали инвестиции из СССР. Основной формой были смешанные и совместные предприятия государственно-частного характера, эволюционно превращавшиеся в социалистические.

Отметим, что если придерживаться позиции Т. Клиффа, опубликовавшего в 1947 г. книгу «Государственный капитализм в России», то в Советском Союзе всегда был один капиталист – государство в лице государственной и партийной номенклатуры, госчиновников, директоров и администрации предприятий, присваивающих прибавочную стоимость при дезинтеграции и лишении всяких узаконенных свобод рабочего класса [10]. А вот что пишет по этому поводу в более мягкой форме М. Воейков: «В советской экономической системе государство выполняло основную роль экономического агента, и было тесно переплетено с иерархическими структурами управления и производства... В целом это есть отражение процесса обобществления производства и трансформации государства из политической формы экономического

процесса в его активного агента» [1. С. 41]. С некоторыми оговорками здесь можно говорить о **социалистической форме** госкапитализма, но, если такого подхода не придерживаться, то возрождение государственного капитализма в России (правопреемнице СССР) приходится на новый переходный период, на этот раз в обратном направлении: от плановой экономики к рыночной.

Формы госкапитализма в постсоветский период. Возрождающийся с начала 1990-х годов госкапитализм принял **олигархическую форму**, соответствующую переходному периоду, связанному с первоначальным накоплением капитала. Господствующие позиции в экономике в результате ваучерной приватизации и залоговых аукционов перешли в руки узкой группы предпринимателей, тесно взаимодействующих с государственным аппаратом. Эта группа во многом складывалась из бывших советских «госкапиталистов», обладавших административными и финансовыми преимуществами в получении в собственность хозяйственных объектов. Конечно, и «простые» предприниматели пытались организовать свой бизнес, однако они сталкивались со многими непреодолимыми для них препятствиями (высокие налоги, инфляция, противоречия в законах и их быстрая смена, коррупция чиновников и рэкет).

В ходе острейшей конкурентной борьбы, которая сопровождалась и соперничеством за политическое влияние, произошло выделение нескольких олигархических финансово-промышленных групп, теснейшим образом связанных с государственным аппаратом и транснациональными компаниями. Справедливо и литературно красиво было отмечено Ю. Кочевриным, что «российские финансово-промышленные группы – убежище наших олигархов – собирали под свое крыло все, что к ним тянулось, возвышаясь подобно утесам над унылой равниной российского бизнеса» [11. С. 5]. В середине 1990-х годов крупнейшие представители отечественного финансово-промышленного бизнеса организовали неформальный пул, с легкой руки журналистов получивший название «семибанкирщина» и оказавший сильнейшее влияние на экономическую и политическую жизнь страны, в том числе в ходе президентских выборов 1996 г.

Государственный капитализм в его олигархической форме был еще недостаточно сильным: перефразируя тезис о государственно-монополистическом капитализме, можно сказать, что не государство диктовало свою волю олигархическому капиталу, а наоборот, олигархи подчиняли экономическую и политическую мощь государства своим интересам.

Олигархическая форма государственного капитализма стала угасать в начале XXI века с приходом к власти нового президента, который повел бескомпромиссную борьбу с лицами (физическими и юридическими), его олицетворявшими. Апофеозом этой борьбы стало поглощение в 2007 г. государственной компанией Роснефть нефтяной компании ЮКОС М. Ходорковского – одного из членов «семибанкирщины», имевшего серьезные политические амбиции. Примерно

с этого времени можно считать, что отечественный госкапитализм трансформировался в **корпоративную форму**, предполагающую опору государства в экономической сфере на государственные корпорации в широком понимании (речь идет не только о структурах, имеющих законодательно закрепленный статус госкорпораций, но и о крупнейших компаниях с государственным участием, выступающих в организационно-правовой форме публичных акционерных обществ). По мнению опять же Ю. Кочеврина, власть считала, что «ниспровержение Ходорковского» будет означать в глазах населения возврат главных ресурсов страны из частных рук обратно в распоряжение народа. Однако издержки этого дела, принявшего уголовный характер, оказались выше его выгод: «при использовании “административного ресурса” президентская команда перешла границы легитимности, что тяжким грузом легло на ее международную репутацию. Кроме того, начался процесс перераспределения инвестиций из частного в государственный сектор» [11. С. 4].

Корпоративная форма государственного нашла свое ярчайшее проявление весной 2020 г., когда была совершена сделка по покупке Правительством РФ у Банка России акций ПАО «Сбербанк». С одной стороны, действительно ЦБ РФ до этого совмещал роли акционера, регулятора и надзорного органа для Сбербанка, что приводило к определенному конфликту интересов. Продажа сбербанковских акций должна была сделать регулятор равноудаленным от всех участников финансового рынка. С другой стороны, эту «сделку века» можно назвать правительственной консолидацией активов, поскольку Банк России, несмотря на свою «государственность», обладает особым конституционно-правовым статусом, ключевой элемент которого – принцип независимости, проявляющийся прежде всего в том, что он выступает как особый публично-правовой институт, характеризующийся двойственностью, присущей всем национальным банкам в государствах с рыночной экономикой, – «он совмещает черты учреждения публичного права с чертами частноправовой организации» [12]. Сбербанк в результате сделки стал классической компанией с государственным участием (госкорпорацией в широком понимании) наряду с Газпромом, Роснефтью, Ростелекомом и т.д.

Трансформация государственного капитализма в корпоративную форму означает усиление в руководстве экономикой роли госчиновников и ухудшение позиций влияния бизнесменов на чиновников. Такой подход наиболее ярко выражен в отношении структур, имеющих статус государственных корпораций. Практически топ-менеджмент таких структур – не бизнесмены, а чиновники, тем более что госкорпорации являются некоммерческими организациями. Имущество и денежные средства, передаваемые государственной корпорации, перестают быть государственной собственностью. В законодательстве о некоммерческих организациях вопросы контроля за использованием их имущества со стороны учредителя практически не прописаны. В то же

время в принятых законах о создании государственных корпораций последним предоставляются широкие возможности для передачи их имущества и денежных средств другим юридическим лицам в качестве учредителя. Контроль за крупными сделками законами не предусмотрен. Наконец, этими законами не предусмотрены установление госзаданий и конкретные механизмы контроля за их деятельностью со стороны Российской Федерации; лишь в отдельных случаях предусмотрено утверждение Правительством РФ долгосрочных программ развития.

В докладе «Государственные корпорации в современной России», подготовленном в 2008 г. Экспертным советом при Комитете Совета Федерации РФ по промышленной политике, госкорпорации, за отсутствием других аналогов, сравниваются с такими архаичными институтами, как откупа, купли-продажи должностей, кормления, колониальные компании и т.п. Только тогда суверен получал плату в обмен на предоставленные полномочия, а сейчас государство не только передает полномочия, но и само выделяет финансирование субъекту, их получившему [13]. В чем тогда выгода государства, если имеет место практически неконтролируемая вольница за государственные деньги? В указанном докладе нет ответа на данный вопрос, суть же заключается в следующем: значительные финансовые потоки государственных корпораций стали собственностью властных структур, выступающих гарантом их деятельности независимо от полученных результатов [11. С. 6, 9].

Академик С. Глазьев характеризует сложившееся в России положение как «crony capitalism» – «блатной капитализм», отличительными чертами которого являются: «господство компрадорской олигархии, эксплуатирующей национальные богатства и вывозящей сверхприбыли за рубеж; тесно связанное с ней коррумпированное высшее чиновничество, скрывающее там же свои незаконные доходы; доминирование офшорного бизнеса в наиболее прибыльных отраслях экономики; массовая бедность лишенного социальных лифтов и возможной самоорганизации большинства населения; высокое имущественное неравенство» [14. С. 16]. Такая ситуация приводит к тому, что на протяжении многих лет мы наблюдаем последовательное и систематическое бегство национального капитала из страны, который оседает в виде зарубежных активов (офшорные счета, недвижимость, предметы роскоши и т.п.). В результате оттока капитала падает деловая и инвестиционная активность, вместо развития промышленности и производства мы наблюдаем его стагнацию, вызванную искусственно недостатком и высокой ценой ресурсов, обусловленными в свою очередь нерегулируемым вывозом капитала из страны и неэффективной денежно-кредитной политикой. Все это есть не что иное, как авторитарный этатизм.

В дискуссии по проблемам госкапитализма в России, состоявшейся в 2008 г. в ИМЭМО РАН, была высказана мысль, что для характеристики

всего существующего общественного уклада определение «государственный капитализм» приемлемо, но оно слишком общее. Гораздо более адекватным применительно к современной России выглядит марксистский термин «государственно-монополистический капитализм»: «В самом деле, ни в одной из других стран такой подавляющей роли в экономике, как в России, не играют естественные монополии и корпорации, находящиеся под контролем государства. Конечно, за рубежом корпорации также занимают доминирующее положение, но там они погружены в море средних и мелких предпринимателей. У нас же мелкое предпринимательство не просто слабо развито, а фактически отдано на откуп средней и мелкой бюрократии, которая его мнет и давит» [15. С.15]. С тех пор прошло уже 12 лет и, с одной стороны, ситуация остается прежней, но, с другой стороны, с приходом в январе 2020 г. нового правительства появились и новые ожидания, связанные, в том числе, с намечающимися тенденциями к переменам в экономическом курсе и созданию предпосылок для трансформации отечественного государственного капитализма в сторону демократического этатизма (хотя сейчас это и кажется некоторой утопией).

Современные тенденции и проблема инвестиций. Государству, без сомнения, принадлежит центральное место в решении задач социально-экономического развития, и его роль не может ограничиваться лишь отдельными инструментами макрорегулирования, налоговой политики, бюджетного финансирования или софинансирования инфраструктурных проектов. Нужны современные институты и механизмы перелива капитала в высокотехнологичные сектора экономики, в том числе в малый и средний бизнес. Пока, как уже было показано, использование данных институтов и механизмов у нас в стране еще далеко не эффективно.

Кроме того, требуется определенная критическая масса ресурсов, в первую очередь финансовых. По оценке академика А. Аганбегяна, экономический рост в нашей стране в долгосрочном периоде примерно на 80% зависит от увеличения инвестиций в основной и человеческий капитал и только на 20% — от лучшего использования действующих основных фондов и других производственных ресурсов [16. С. 388–389]. Эксперты считают, что в течение ближайших 5 лет необходимо увеличить инвестиции в основной капитал с 17% ВВП до 25% и более. Только это позволит к 2025 г. довести экономический рост до 5% в год и выше [17. С. 28].

Открытым остается также вопрос: кто должен инвестировать в социально-экономическое развитие — государство или бизнес? Как отмечает К. Астапов, «значение государственных инвестиций, а также инвестиций крупных компаний, только возрастет с углублением кризиса (речь идет о кризисе, вызванном пандемией COVID-19 — С.Ч.). Если в краткосрочном периоде вряд ли можно рассчитывать на частные инвестиции, то в длительной перспективе

именно частные инвестиции могут стать двигателем структурных реформ. Такие меры поддержки приводят к росту государственного долга, и это характерно для большинства стран мира» [18. С. 8].

Чтобы частные инвестиции состоялись, государству требуется создать для них благоприятный инвестиционный климат, — если частному капиталу будет комфортно вкладывать деньги в экономику страны, он непременно сделает это. К сожалению, данный механизм, несмотря на все попытки, у нас в стране пока так полноценно и не заработал. Причины такого положения заключаются в наличии целого ряда негативных факторов, в частности отсутствии эффективной государственной политики в налоговой и денежно-кредитной сферах, направленной на стимулирование инвестиционной деятельности; нестабильности внутриэкономической ситуации, не располагающей к долгосрочным инвестициям.

Выступая 22 июля 2020 г. в Государственной думе, премьер-министр М. Мишустин отметил, что «важно запустить новый инвестиционный цикл и добиться улучшения делового климата» через «разработку комплексного механизма поддержки крупных инвестиционных проектов на федеральном и региональном уровнях, в том числе на основе соглашений о защите и поощрении капиталовложений» [19]. Премьер-министр, таким образом, подчеркнул значимость реализации положений Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (далее ФЗ-69). Одна из основных новаций данного закона — введение в обиход понятия «стабилизационная оговорка», суть которого заключается в том, что публичная сторона (государство) гарантирует организации, реализующей инвестиционный проект, неизменность налоговых условий, условий землепользования и градостроительной деятельности. Характерно, что речь идет в первую очередь об **организациях с публичным участием**, которые перечислены в статье 2 ФЗ-69. Вот этот список:

- а) государственная корпорация;
- б) государственная компания;
- в) публично-правовая компания;
- г) государственное учреждение;
- д) хозяйственное общество или товарищество, в уставном или складочном капитале которых доля прямого или косвенного участия публично-правового образования и (или) организаций, перечисленных в настоящем пункте, превышает 50 процентов;
- е) фонд, одним из учредителей (единственным учредителем) которого выступает Правительство РФ;
- ж) управляющая компания, созданная в целях реализации положений Федерального закона от 28 сентября 2010 года N 244-ФЗ «Об инновационном

центре «Сколково» (напомним, что в конце ноября 2020 г. данная управляющая компания /она же фонд «Сколково»/ перешла под управление ВЭБ РФ).

Как видим, список достаточно объемный, он не ограничивается госкорпорациями и хозяйственными обществами (компаниями с госучастием), что было бы характерного для корпоративной формы государственного капитализма.

Развивая данную тему в Совете Федерации, первый вице-премьер А. Белоусов сказал: «... У нас больше половины инвестиций находится в зоне прямого или косвенного регулирования со стороны правительства. Давайте этим заниматься». В рамках механизма, зафиксированного в ФЗ-69, правительство, по словам А. Белоусова, рассчитывает на заключение в 2020 г. не менее 20 инвестиционных соглашений на сумму около 900 млрд руб., а до 2024 г. запланировано не менее тысячи соглашений на 14 трлн руб. И практически все это за счет бюджетных инвестиций, инвестиций компаний с государственным участием и инвестиций секторов, находящихся под контролем государства (энергетика, сельское хозяйство и т.д.) [20].

В системе государственного капитализма средства компаний с госучастием названы «фактически вторым бюджетом страны» [21]. Не случайно поэтому новое российское правительство прилагает усилия по созданию таких экономических условий, при которых указанные структуры начнут напрямую вкладывать свои средства в реальный сектор экономики вместо того, чтобы переводить их за рубеж и перечислять значительную часть прибыли акционерам (пусть даже крупнейший из них – государство).

По прогнозам Банка России, вывод капиталов из страны по итогам 2020 г. удвоится по сравнению с предыдущим годом и составит 53 млрд долл. США. По мнению экспертов, отток средств усилился из-за санкций Запада, слабости рубля и урезания инвестиционных программ крупнейшими компаниями. В 2021 г. данный показатель планируется на уровне 35, в 2022 г. – на уровне 20 и 2023 г. – на уровне 15 млрд долл. США [22]. Такие оптимистичные оценки связаны не в последнюю очередь с устанавливаемыми мерами по ограничению оттока капиталов. Так, ставка по переводу дивидендов российских компаний на Кипр увеличится с 2021 г. в три раза – с 5 до 15% и, как сказал М. Мишустин, «далее мы будем смотреть за другими юрисдикциями» [19]. Кроме того, как известно, запущен плавный механизм по перерегистрации в России всех офшорных активов, чему способствует и активизация антиофшорной политики в «странах пребывания».

Что касается дивидендов, то правительственный курс заключается в ориентации имеющихся здесь финансовых потоков «на дело», а не в «кубышку». 29 сентября 2020 г. вышло распоряжение Правительства РФ – согласно которому ОАО РЖД получило возможность не выплачивать в бюджет дивиденды за 2019 г. По итогам года госкомпания должна была перечислить в казну 48 млрд руб., теперь эти деньги пойдут на реализацию инвестпрограммы РЖД,

в частности на расширение БАМа и Транссиба. Фактически, учитывая рост указанной программы в ближайшие годы, возможность выплат дивидендов в будущем тоже под вопросом [23].

На наш взгляд, вышеуказанные правительственные инициативы в совокупности с положениями ФЗ-69 – это «первые кирпичики» в фундамент **публичной формы** российского государственного капитализма, предполагающей в качестве основных субъектов инвестиционной деятельности **организации с публичным участием** при правовой, финансовой и организационной поддержке со стороны **публичной власти** на принципах демократического этатизма, среди которых – **публичность** (открытость, доступность и коллективность). Такая тройственная публичность органично вписывается в современную модель «государства-плеймейкера», когда «приоритетной становится не проблема объема (масштаба) государственного участия в экономике, а эффективность такого участия, в том числе эффективность институтов управления экономическими активами государства: объектами государственного имущества; компаниями с государственным участием; различными видами материальных и финансовых ресурсов, в том числе направляемых на публичные закупки для обеспечения общественных нужд, финансирование науки» [24. С. 44]. Этой модели, кстати, соответствует и развитие механизмов по государственной поддержке (прежде всего в налоговой и кредитной сферах) самозанятых, индивидуального и малого предпринимательства. Кроме того, на полную мощь должна заработать так называемая «регуляторная гильотина» – инструмент масштабного пересмотра (с широким участием предпринимательского и экспертного сообществ) и отмены нормативно-правовых актов, негативно влияющих на общий бизнес-климат и регуляторную среду. Задача «гильотины» – создать в сферах государственного регулирования новую систему понятных и четких требований к хозяйствующим субъектам, снять избыточную административную нагрузку на субъекты предпринимательской деятельности, в том числе на организации с публичным участием.

Российской государственной экономической политике пока присущ низкоэффективный режим «ручного управления» с гипертрофированными полномочиями контролирующих частный сектор органов и отсутствием соответствующего контроля расходования государственных средств, что способствует развитию коррупции, неэффективной системы налогообложения в сочетании с массовым уклонением от уплаты налогов и оттоком капиталов за рубеж. Общая инвестиционная привлекательность российской экономики из года в год снижается. Кроме того, в настоящее время для страны обозначились новые вызовы, связанные с адаптацией к формирующейся в результате пандемии COVID-19 новой социально-экономической реальности. В этих условиях

у нас остро стоит вопрос о «вторичном изобретении государства» по Дж. Стиглицу — государства более эффективного и отзывчивого, действия которого должны упреждать возникновение проблем и корректировать их, если они появились, основываясь на уроках из прошлого, избавлении от излишних функций и добавлении новых, диктуемых интересами конкурентного рынка и обеспечения справедливости в обществе. Представляется, что государственный капитализм в рамках демократического этатизма и с учетом накопленного столетнего позитивного и негативного опыта, в том числе в переходные периоды, может стать действенным инструментом при осуществлении такой трансформации.

Литература

1. *Воейков М.И.* Государство как предмет политекономического изучения // Вопросы политической экономики. 2018. № 1. С. 35–54.
2. *Мартынов В.А.* К вопросу о сути государственного капитализма в России / Государственный капитализм в России. Материалы семинара под рук. ак. В.А. Мартынова // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 3–24.
3. Курс политической экономики / В двух томах. Под ред. Н.А. Цаголова. Издание третье, переработанное и дополненное // М.: Экономика, 1973–1974. Электронная версия 18.09.2012 <http://bse.uaio.ru/73/02.htm#psod1>
4. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственный_капитализм
5. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга // М.: АЛТЕТ. 2020. 424 с.
6. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2. Т. 20.
7. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке / К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2. Т. 19.
8. *Ленин В.И.* О левом ребячестве и мелкобуржуазности / Полн. собр. соч. Т. 36.
9. *Красникова Е.В.* Основные этапы (стадии) в истории развития капитализма // Вопросы политической экономики. 2018. № 1. С. 111–123.
10. *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. <http://www.revarchiv.narod.ru/cliff/oeuvre/capitolo1.html>
11. *Кочеврин Ю.Б.* Стратегия экономического развития России / Государственный капитализм в России. Материалы семинара под рук. ак. В.А. Мартынова // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 3–24.
12. *Тосунян Г. А., Викулин А. Ю.* Постатейный комментарий к Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // М.: Дело, 2003. <https://www.lawmix.ru/commlaw/1729>.
13. Государственные корпорации в современной России. Доклад. Экспертный совет при Комитете Совета Федерации РФ по промышленной политике. <https://docviewer.yandex.ru/view/553885980/?page=1&...>
14. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба») // М.: Книжный мир. 2018. 768 с.
15. Государственный капитализм в России / Материалы семинара под рук. ак. В.А. Мартынова // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 3–24.
16. *Аганбегян А.Г.* Финансы, бюджет и банки в новой России // М.: Дело. 2018. 400 с.

17. *Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И., Аганбегян А.Г., Абрамов М.Д., Кашин В. А.* Пандемия 2020. Экономический кризис в России. Что надо делать // М.: ГЭОТАР-Медиа. 2020. – 32 с.
18. *Астапов К.* О трансформации экономической политики в условиях кризиса 2020 г. // Общество и экономика. 2020. № 11. С. 5–20.
19. Федеральное собрание Российской Федерации. Государственная дума. Стенограмма заседаний. 22 июля 2020 г. <http://transcript.duma.gov.ru/node/5500/>
20. Федеральное собрание Российской Федерации. Совет Федерации. Стенограмма заседаний. 23 сентября 2020 г. <http://council.gov.ru/activity/meetings/119157/transcript/>
21. *Двинский К.* Белоусов одержал тактическую победу над Силуановым. 1 октября 2020 г. <https://zen.yandex.ru/media/dvinsky/belousov-oderjal-takticheskuiu-pobedu-nad-siluanovym-5f761e48109e8f703c4aad4a>
22. *Фаляхов Р.* Отток капитала: почему инвесторы отвернулись от России // Газета.ру. 25.10.2020. <https://www.gazeta.ru/business/2020/10/24/13331833.shtml>
23. *Скорлыгина Н.* Бюджет не получит от ОАО РЖД дивиденды за 2019 год // Коммерсантъ. 01.10.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4512365>
24. *Смотрицкая И., Черных С.* Современные концепции государственного управления и институциональные риски // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 41–51.

Sergey Chernykh (e-mail: serge-chnn@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Professor,

Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

STATE CAPITALISM IN RUSSIA: THEORY, PRACTICE AND MODERN TRENDS

The article deals with theoretical and practical issues related to the formation and development of state capitalism in its various forms in Russia.

The author considers the possibility of the transformation of state capitalism in Russia that could be favorable for solving investment problems and increasing the efficiency of institutions for managing the state's economic assets.

Key words: state capitalism, statism, state-monopoly capitalism, transition period, oligarchy, state corporations, investments, organizations with public participation.

DOI: 10.31857/S020736760013633-5